

Предметом рассмотрения является диалектика культурного пространства, среды жизнедеятельности как сочетания деятельности и места. Вводятся понятия «интра» и «экстра» – комплексов, имеющих разное внутреннее устройство и отношение к окружению. «Интра» (закрытое) и «экстра» (открытое) взаимопределяют друг друга, предъясляют сущность через конфликты, спор, диалог. Отношения границ и дорог – результат разных стратегий, разных взглядов на пространство. Онтологическая предрасположенность к открытости и закрытости культурных пространств характеризует разные этапы цивилизационного пути, разные уровни организации и разную архитектуру.

Ключевые слова: культурное пространство; «интра» и «экстра»; открытое и закрытое; границы; коммуникации; иерархия; архитектура./

The subject of the article is the dialectics of cultural space and living environment as a combination of activity and place. The author introduces the concepts of 'intra' and 'extra' as complexes with different internal structure and relation to the environment. 'Intra' (closed) and 'extra' (open) mutually define each other and present the essence through conflicts, dispute and dialogue. The relationship of boundaries and roads is the result of different strategies and different views on the space. The ontological predisposition to openness and closedness of cultural spaces characterizes different stages of the civilizational path, different organization levels and different architecture.

Keywords: cultural space; 'intra' and 'extra'; open and closed; boundaries; communication; hierarchy; architecture.

Интра и экстра / Intra and extra

текст

Андрей Боков

Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства /

text

Andrey Bokov

Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning

«Место встречи», ставшее темой этого номера, к счастью для приглашенных авторов, оказывается не только памятным образом или волнующей метафорой, но вполне содержательным понятием. Окружающий рукотворный мир легко представить совокупностью по-разному организованных мест встречи – малых, средних, больших и огромных. Места встречи сродни культурному пространству или среде жизнедеятельности. Это агрегаты, «экосы», «покусы», являющиеся нерасторжимыми сочетаниями действий, деятельности или встреч и мест или пространств. Место встречи, сколь бы случайным ни были его выбор и его присутствие в отдельной судьбе, это итог долгой взаимной адаптации пространства, его формы, его организации и бытия.

Места встречи или культурные пространства, пространства, измененные человеческим участием, надежны собственной волей, имеют свою природу, свои особенности, способные стать предметом рассмотрения. Одной из таких особенностей является диалог закрытых и открытых пространств, пространств «интра» и «экстра».

Пространства «интроверты» и «экстраверты», закрытые и открытые, не нуждаются в особых определениях. Они легко идентифицируются интуитивно и обнаруживаются на всех уровнях от дома до страны. «Интра» и «экстра» – это комплексы, агрегаты, физические образования с принципиально разным внутренним устройством и разным отношением к окружению.

В основании «экстра» и «интра» лежат разные типы пространства и пространственного поведения, разные сущности, соотносимые, связанные с движением и пребыванием. Полная противоположность становится основанием теснейших взаимоотношений между этими сущностями, что описывается простым примером. Площадь или улица является пространством движения, связью, коммутатором разного рода адресов, магазинов, ресторанов и гостиниц, расположенных по периметру в окружающих домах. Но, как только на площади начинается цирковое представление или когда улица становится местом шествий, парадов или сезонной торговли, окружающие дома превращаются в места для зрителей или в нейтральный, сопровождающий фон, а открытое

пространство закрывается и из посредника делается главным, основным компонентом.

Интроверты имеют четкие границы и ориентированы вовнутрь. Экстраверты обращены вовне и настроены на преодоление внешних рубежей. Интроверты и экстраверты – порождения разных взглядов на пространство. Для одних мир состоит из путей и дорог, другим он представляется совокупностью стен и границ. И у стен, и у дорог свой характер и своя логика, которыми определяется морфология пространства, его разделение и объединение.

«Экстра» и «интра» обычно не встречаются в чистом виде. Они присутствуют в разных сочетаниях, как правило, отмеченных доминированием тех или иных признаков. В большинстве случаев справедливо говорить о степени открытости, о действенности и числе внешних, исходящих связей и о степени закрытости, определяемой эффективностью и числом стен, границ, рубежей. Это значит, что центр города, обеспеченный множеством связей, более открыт, чем любой из окружающих этот центр районов, что город более открыт, чем деревня, что столица более открыта, чем провинциальный город, а глобальный город более открыт, чем национальные и региональные столицы. Примеры закрытых образований легче искать в истории, когда созданию стен и укреплений уделялось несравнимо больше внимания, чем строительству дорог, и когда семейный дом являлся вполне реальной, а не метафорической крепостью.

В зависимости от выбранных акцентов, от «оптики», культурный ландшафт предстает или множеством закрытых, дискретных единиц, или непрерывным потоком открытых пространств. Одни видят дом совокупностью вестибюлей, лестниц и коридоров, другие замечают лишь места пребывания, комнаты и залы. Для одних город – это сеть улиц, для других – набор кварталов. Одни видят на картах узлы и магистрали, другие замечают сферы влияния центров и границы разного рода. Для одних реки и железные дороги – коммуникации, для других – непреодолимые барьеры.

Снаружи и внутри города выглядят по-разному. На карте это открытые, узловое образования, точки с расходящимися в разные стороны магистралями.

На генплане город предстает закрытым и завершенным, с четкими очертаниями, внутри которых обнаруживается центр с окаймляющими, охватывающими его поясами или зонами.

Открытость и закрытость – «экстра» и «интра» – тесно связаны и взаимно предопределены, как дом и улица. Материальным, физическим воплощением этой связи становятся особые промежуточные устройства, пространства-посредники, «открыто-закрытые». Это ворота, входы-выходы, обрамленные, акцентированные и превращаемые в целые сооружения вроде портиков, лоджий, балконов, колоннад и аркад. «Город-окно» – Петербург, портовые города – «ворота страны» – метафоры лишь отчасти, по сути это те же пересечения важнейших границ и путей, места встречи «экстра» и «интра».

Открытое и закрытое взаимопределяют друг друга. Связь этих противоположностей такова, что им удобнее и проще выражать, предъявлять свою сущность через диалог, спор и конфликт с оппонентом. Безграничная пустыня и бескрайний океан рассказывают об открытости менее убедительно, чем распахнутое окно. Бесконечная, доходящая до небес стена не столь ярко свидетельствует о закрытости, как наглухо заколоченные ворота и двери. Символом, воплощением закрытости становится плотина, а торжеством открытости кумулятивный, однонаправленный, сосредоточенный выброс, вроде того, что изобретен создателями Версальского паркового ансамбля или предложен «параболой Ладовского».

«Экстра» и «интра», открытость и закрытость, – результаты разных стратегий пространственного поведения. Эти стратегии рождаются практически одновременно в практике первых человеческих сообществ, перемещавшихся в поисках средств существования с одной стоянки на другую, попеременно пребывающих «в пути» и «на месте». С наступлением аграрной революции одни сообщества переходят к оседлости и созданию постоянных поселений, другие продолжают мигрировать, делая свои перемещения разве что более организованными и упорядоченными. Между носителями разных стратегий разгорается непримиримая борьба, в итоге которой номады, вроде гуннов, носившиеся по степям, или варяги, бродившие по морям, грабившие и разорявшие оседлых

земледельцев, в конечном счете сами становятся обитателями и пленниками городов.

Выбор в пользу закрытости и оседлого образа жизни, в пользу активно обустраиваемых, отделенных от природного окружения пространств, был выбором цивилизационного пути, пути медленно набиравшего силу прогресса. Начальная, первая традиционная фаза этого пути, растянувшаяся для разных цивилизаций на столетия и тысячелетия, сопровождалась упорным возведением стен и укреплений, выход за пределы которых был сопряжен со множеством рисков. Стремление к максимальному контролю культурного пространства, возможному в условиях изоляции и закрытости, приобретает базовый, фундаментальный характер, прочно впечатывается как в персональное, так и в коллективное сознание и поведение. Программа и стратегия земледельца, домоседа, семьянина, крестьянина, буржуа и мещанина по сей день оказывается понятной, естественной и привычной для абсолютного большинства.

Доминирование «интра», оседлости и закрытости не означает искоренения и преодоления «экстра» и его носителей, активного и агрессивного меньшинства, путешественников и авантюристов, тех немногих, кого непредвиденность, непредсказуемость и открытость не пугают, а вдохновляют. Их мятежный дух пробуждается при первой возможности, и следствием пробуждения оказываются преодоленные рубежи и разрушенные стены. В отличие от своих дальних родственников – кочевников, растворявшихся в природном окружении, неотделимых от природных ресурсов, новые номады, почитатели «экстра», родившиеся в городах, воспитанные городами, создают принципиально новый тип открытых культурных пространств, основой которых становятся рукотворные искусственные, более надежные, устойчивые связи и коммуникации, каналы, порты, причалы, дороги и мосты. Выход за пределы стен и границ из девиации превращается в норму.

Движение культурного пространства с момента распада традиционного жизненного устройства – это движение к открытости. За этим движением стоит активное, деятельное меньшинство, каждый шаг которого требует огромных усилий по преодолению инерции и естественной тяги к закрытости. Классический город, избавившийся от стен и обзаведшийся прямыми проспектами, еще сохраняет фискальные границы и систему укреплений. Исчезают эти последние видимые рубежи с рождением современного города.

Самой яркой, шокирующей, непривычной, неожиданной принадлежностью современного города, полностью изменившей его ландшафт на глазах одного-двух поколений, оказываются скоростные многополосные магистрали безостановочного движения. Через полторы тысячи лет, прошедших с момента его рождения, европейский город превратился в нечто противоположное тому, чем был вначале. На месте города-стен возник город коммуникаций. Все более проницаемыми и условными делаются когда-то священные и неприкосновенные границы, главной особенностью современного пространства становятся связи, точки, магистральная инфраструктура, образующая глобальную сеть.

Идеальный город теперь видится открытым, быстро растущим, уверенно опирающимся на инфраструктурный каркас. Парабола Ладовского и Динополис Доксиадида движутся в одном направлении, линейные города Сориаи-Мата и Милютина, как и положено линиям, развиваются в двух направлениях. Большинство реальных городов движется во все стороны. Города утрачивают границы и сливаются с окрестностями. В процессе интеграции, в движении от центра к периферии меняется морфология застройки, тип городской ткани, расселение и характер

землепользования. За пределами зон и поясов, заполненных замкнутыми периметральными кварталами, появляются все большие по размеру межмагистральные территории, с местными проездами и свободно стоящими домами. Открытое, разомкнутое, перетекающее, принадлежащее всем жителям пространство – не возврат к сельским, аграрным образцам и архаическим порядкам, но новое явление, ставшее реакцией на классический индустриальный город, описываемый Диккенсом и Горьким.

С приходом современного мира меняется облик общественных зданий. Демонстративно открываются ранее недоступные, закрытые и изолированные резиденции властей и хранилища сокровищ. Открытые, общедоступные пространства вытесняют закрытые и изолированные. Открытость становится одним из главных отличий современной архитектуры, отказавшейся от отдельных замкнутых комнат и залов в пользу свободно перетекающего, непрерывного, открытого пространства и прозрачных стен. Строго симметричные дома-монументы, символы, манифесты неподвижности и покоя, уступают место свободным, динамичным, произвольным сочетаниям объемов и плоскостей. Новыми предметами проектирования становятся сетевые инфраструктурные постоянно меняющиеся образования и среда, принципиально лишенная замкнутости и закрытости.

Реакция на быстро распространяющуюся и все более агрессивную открытость не заставила себя долго ждать. Естественная, инстинктивная тяга к завершенности и определенности ограничила и затормозила процесс разрушения границ. Работа с открытыми системами оказалась непростой и далеко не всегда успешной. Не столь привлекательной оказалась и жизнь в условиях открытости и постоянных изменений. Попытки сделать открытым, пронизываемым, «коммунальным» весь мир, включая мир семьи, к чему склонялись левые и социалисты, успеха не имели. Причиной тому естественная, онтологическая предрасположенность к открытости и закрытости культурных пространств разного уровня.

Вне зависимости от принадлежности к традиционному, классическому или современному мирам, пространства меньшего уровня склонны к большей закрытости, чем пространства более крупные. Степень открытости, интенсивность и число внешних контактов повышается по мере движения от квартиры или частного семейного дома к кварталу, району и городу. Прямым, самым объективным показателем открытости становится число и пропускная способность входов-выходов, принадлежащих пространственным образованиям. Квартира, стоящая в начале этого ряда, имеет один вход, а город, находящийся на верхних уровнях, даже в периоды его максимальной закрытости, имел несколько ворот.

Примирение «экстра» и «интра» становится одной из главных задач современного градостроительства, остающейся нерешенной. Суть того, что предлагалось в прошлом веке, в момент рождения современного мира, что продолжает волновать умы, сводится к созданию новой идеальной и оптимальной единицы с четкими количественными параметрами, своего рода клетки, «кирпича», из которого собирается город любого размера. Предполагалось, что город может расти, тогда как единица, в которой протекает повседневная жизнь, остается неизменной. Идеальный город классического периода из целого, каким он был в мечтах утопистов, на новом этапе превращается в часть меняющегося целого. Целью, по словам Доксиадиса, является вынос динамичных, разрушительных сил за пределы повседневного, видимого мира, который обязан быть стабильным, понятным, защищенным и закрытым.

Поводом к интенсификации поисков становится строительство новых городов и новых столиц.

В Британии и СССР такой единицей избирается микрорайон. Корбюзье придумывает для Чиндигарха «сектор», Нимейер и Коста возводят в Бразилиа «супер-квадры», а Доксиадис строит в Исламабаде «общины». Все эти единицы объединяет ряд общих черт – это межмагистральные территории со схожими, «пешеходными» параметрами, имеющие в своем составе общественный центр, школу и детсад. В отличие от кварталов, бывших совокупностью независимых землеуладений, новые единицы – это социально-пространственные образования, организованные соседства, становящиеся промежуточным звеном между семейным домом и муниципалитетом или городом в целом.

Не отрицая необходимости и возможности существования составляющих города единицы, практика заставляет усомниться в том, что такие единицы могут быть одинаковыми, универсальными, придуманными и предписанными кем-то, кто находится вне них и прямого отношения к ним не имеет. Судя по тому, что происходит в реальном современном городе, замкнутые устойчивые соседские сообщества – явления не универсальные, а их возникновение во многом результат самоорганизации, характерной для периферийных, удаленных от центра районов. По мере движения к центру, к центральному узлу, социальные и пространственные связи приобретают все большую независимость, границы размываются и пространственные единицы выделяются все с большим трудом. Сколь-либо заметным и действенным интегратором становится не территория, а улица или площадь, открытые образования, сливающиеся с себе подобными.

Жители центра менее зависимы от локальных связей, не обречены ходить в одну школу, один супермаркет, не всегда знакомы с соседями и не особо ощущают присутствие каких-либо границ. Наряду с границей и дорогой, у закрытых и открытых пространственных образований есть не менее наглядные признаки и маркеры – это по-разному устроенные центры. В одном случае центр – главный компонент пространства, определяющий его форму и содержание, основная цель и начало всех маршрутов. Таковы основная, «жилая» комната любой квартиры или семейного дома, зрительный зал театра, залы заседаний и собраний. Этот ряд продолжают центры городов с резиденциями власти и главным храмом, а завершают его столицы государств и «глобальные» города.

В других случаях центр не более чем посредник, узел, коммутатор, соединяющий всех со всеми и не являющийся чем-то самостоятельным, самостоятельным и завершенным. Примерами такого рода центров, возникающих внутри зданий и сооружений, являются моллы, атриумы, пешеходные улицы, пассажи, вроде тех, что составляют основу Верхних торговых рядов в Москве или Галереи Виктора Эммануила в Милане. В городах центрами такого рода становятся вокзалы со множеством сопровождающих их объектов. В европейском городе вокзал – это конкурент исторического, административно-общественного и культурного центра, второе по значению ядро или второй полюс городского пространства. В американском городе, не успевшем обзавестись замками и кремлями, центральный вокзал и его комплекс, вроде нью-йоркского Гранд-центра, – главный претендент на первое место.

«Центры-иерархи» и «центры-коммутаторы» предопределяют, задают характер пространства как «экстра» или «интра». Город обычно изоморфен своему центру, воспроизводит своим устройством тот порядок, который задан центром.

Центры-иерархи – интеграторы, собиратели пространства, ответственные за его внутреннюю целостность. Прямым предком этих центров и их постоянным участником является резиденция власти, рядом с кото-

рой часто оказывается храм и его производные, музей и театр. Центры-иерархи имеют и административные, и эмоционально ощущаемые, «конвенциональные» границы, в пределах которых сосредоточено все то, без чего город немислим. Центр-иерарх консервативен, склонен к закрытости, а сопровождающий его транспортный узел является подчиненным ему обеспечивающим устройством. Центр-коммутатор, городской хаб, главный логистический узел, главный вокзал, развязка, место встречи основных магистралей – открытое образование. Это распределитель и регулятор потоков, ответственный за внешние связи. Его историческим предшественником являлся рынок, рыночная площадь, от которой центр-коммутатор унаследовал сопровождение в виде множества попутных объектов, сконцентрированных в главном узле и разбегавшихся вдоль исходящих центростремительных направлений.

Интересы центра как узла, коммутатора, перекрестка и главного места пребывания, от которого ведется отсчет, далеко не всегда совпадают. Центр-коммутатор и центр-иерарх предпочитают существовать на известном расстоянии, сохраняя относительную независимость. Если это не удается, возникает пространственный конфликт, самым наглядным проявлением которого оказываются или бесконечные пробки и заторы, или транзитные магистрали, пересекающие центр города. Решить этот принципиальный спор обычно удается ценой создания сложных, огромных, дорогостоящих многоуровневых сооружений, подтверждающих трудность компромисса между «экстра» и «интра».

Интровертность и экстравертность, обращенность вовнутрь и обращенность наружу, хоть и имеют отчетливые пространственные корни, пространственное происхождение, легко распространяются на иные сферы жизнедеятельности, на процессы и явления в политике, экономике и культуре. «Экстра» и «интра» – общесистемные, универсальные, «парадигматические» категории, «метасвойства», приписываемые не только пространству, но и деятельности, ее организации, ее институтам. Отношения пространственного порядка и жизненного устройства на разных этапах, в разные периоды складываются по-разному – от почти полной синхронности, которую обнаруживает традиционный город, до почти полной независимости, наблюдаемой в городе современном.

Пространственная открытость сегодня становится привычной, но далеко не всегда свидетельствующей об открытости, общедоступности институтов и учреждений, а за видимой, физической закрытостью и непроницаемостью может обнаружиться нечто гостеприимное и расположенное к контактам.

«Экстра» и «интра» определяются не только внешним и видимым; они имеют системные корни, системные толкования и коррелируются с двумя главными видами систем, с двумя базовыми типами отношений части и целого, которые называются по-разному: то «иерархическими» и «коммуникативными», то «вертикальными» и «горизонтальными», то «пирамидальными» и «сетевыми».

Эти толкования в равной мере применимы и к культурному пространству, и к протекающей в нем жизнедеятельности. Системная зависимость снимает мучительный вопрос о том, кто за кем следует: пространство за деятельностью или деятельность за пространством. Все следует общим системным закономерностям.

Система определяется связями, отношениями элементов и целого. В иерархических системах элементы полностью, без остатка входят в состав образования более высокого уровня, становятся его частями и пребывают в его границах. Связи внутри такой системы обеспечиваются и контролируются иерархом, ясно выделенным в срав-

нении с другими и определяющим степень закрытости и открытости целого. Иерархические системы принципиально моноцентричны, а их рост и развитие приводят к появлению многоступенчатых «пирамидальных» конструкций. Самым популярным примером пространственной иерархии является канонический советский город с отдельными домами, входящими в жилые группы, с жилыми группами, входящими в микрорайон, с микрорайоном, входящим в жилой район, который, в свою очередь, становится частью города. Образование всех уровней изоморфны одной модели, имеют обособленный центр, границы, а составляющие их элементы отмечены несомненным сходством. Системы такого рода создаются усилиями, командами и предписаниями, исходящими сверху, от иерарха. Естественной, родовой чертой таких организаций становится стремление к закрытости.

Антиподом иерархических систем являются системы коммуникационные или сетевые. Они объединяют на равных элементы любой мощности, любых размеров и разного качества. Такие системы становятся итогом самоорганизации усилий снизу и производятся самими участниками. Участники коммуникативных систем поначалу связываются друг с другом напрямую. При росте числа участвующих и числа связей, связи объединяются в единый коммутатор, в общую связь или единое посредническое устройство, коммутатор. Коммутатор занимает центральное место в системе, но, в отличие от иерарха, не ограничивает систему, а обеспечивает ее открытость и инклюзивность, способность вбирать новые и разные элементы.

Коммуникативные пространства, в отличие от иерархических, наделены пластическим разнообразием, они стремятся к расширению, к внешней экспансии, и агентом, инициатором этой экспансии становится коммутатор, задающий очертания пространства. Простейшие коммутаторы напоминают точку, превращающуюся в хаб, площадь, или линию, ставшую коридором, улицей, к которым тянутся, вокруг которых собираются все участники или элементы. Сочетание таких точек и линий порождает решетку или сети коммуникаций – прямое воплощение, пространственный символ всех горизонтально организованных систем. Наглядным примером сетевых образований являются пешеходные зоны, торгово-развлекательные комплексы и центры городов, вроде Монреаля и Сингапура, все компоненты которых связаны непрерывной единой сетью пешеходных путей.

Роль коммутаторов и распределителей существенно возрастает, когда вместо одного доминирующего центра возникают конкурирующие, дополняющие друг друга очаги влияния, и система приобретает признаки «полицентричности». Полицентричными выглядят Сеул, Токио и даже Лондон, разные, отдельные, сопоставимые по влиянию, относительно самостоятельные центры которых связаны в единую сеть. Сходный полицентрический эффект пытаются получить ценой создания новых центров, вроде парижского Дефанса или московского Сити, – конкурентов мощному историческому, иерархическому центру.